

М.Б.Корчагина

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(Рецензия на книгу: А.И.Борозняк.
Искушение. Нужен ли России германский опыт
преодоления прошлого? М., 1999)

Моральное осуждение нацизма и сталинизма, чувство вины и ответственности остаются первой предпосылкой обращения к изучению прошлого в Германии и России. Название книги историка-германиста А.И.Борозняка – «Искушение» означает, что речь в ней идет о трудной работе по преодолению прошлого – о научных исследованиях и об инициативе «Цветы для Штукенброка» по увековечению памяти советских военнопленных и «остарбайтеров», о движении «исторических мастерских» и конкурсах среди школьников, пытающихся осмыслить недавнюю историю своей страны. Автор раскрывает значение дискуссии сторонников консервативно-охранительного и критического подходов к истории национал-социализма как постоянного, очень важного фактора в отнюдь не однозначном процессе формирования общественного сознания в ФРГ, где сегодня прорастающей из травы забвения исторической памяти грозит холодное дыхание «нового национализма».

Профессор из Ганновера Х.-Г.Нольте в послесловии к книге предупреждает о вреде иллюзий о роли демократических институтов в деле воспитания и просвещения граждан и отмечает, что «общественное мнение способно достаточно долго замалчивать злодеяния прошлого», а стремление переломить господствующую, освященную авторитетом власти тенденцию требует от историка личного мужества и готовности ради истины рисковать карьерой и благополучием¹. Сравнение историографий Западной и Восточной Германии, безусловно, подтверждает, что для развития науки демократия предпочтительнее авторитаризма. И все же возникает мысль, что независимо от того, как действует власть – запрещает ли знать или лишает желания знать, – результат будет один. А.И.Борозняк неоднократно подчеркивает: людьми с ослабленной или искаженной исторической памятью управлять гораздо проще.

Другой урок заключается в том, что сегодня нравственного осмысления истории уже недостаточно. Нужны конструктивные выводы относительно корней тоталитаризма – этого сложного социально-политического феномена XX в., который нельзя сводить только к идеологии и преступлениям нацизма или сталинизма. Военное поколение, включающее не только непосредственных участников событий, но и тех, кто рос и воспитывался бок о бок с ними, само становится историей. Может быть, надо говорить не о вине, а об ответственности за настоящее и будущее на основе знания о прошлом? «Geschichte ist machbar» – «ис-

¹ Нольте Х.-Г. Послесловие современника-немца к книге российского историка // Борозняк А.И. Искушение. С.282–283.

торию можно делать», считал Руди Дучке, яркий представитель «поколения 1968 г.» – участников и свидетелей движения «новых левых» и демократической внепарламентской оппозиции, с которым связан серьезный прорыв в общественном сознании Федеративной республики и поворот к критическому осмыслению истории нацизма и войны.

Конечно, само понимание ответственности требует дополнительного разъяснения. Зачастую, особенно в трудные времена, в массовом сознании оно органично сочетается со стремлением к порядку и стабильности, гарантом которых выступает сильная власть. А для нее идеалом служит законопослушный гражданин, делающий свое дело и ни во что не вмешивающийся, предоставляя компетентным людям определять общественные приоритеты. Соответственно, сомнения в традиционных ценностях и предлагаемых властью решениях объявляются безответственными. «...Современные демократии настолько молоды, – пишет историк В.П.Булдаков, – что впору говорить об их исторической уникальности на фоне «естественности» авторитаризма и деспотизма и искать корни последних в природе человека... Люди хотят не свободы, а комфортной формы подчинения»². Не потому ли выходящий за дозволенные рамки контакт с прошлым представляет угрозу для власти, что через историю человек может понять себя нынешнего и оценить степень своей несвободы?

В связи с этим нельзя не отметить еще один аспект проблемы преодоления прошлого. Систематическое обращение к истории национал-социализма в Германии отнюдь не сводится к изучению режима как такового. Многочисленные публикации о движении Сопротивления, многообразного по формам, социальному составу участников и по содержанию, поддерживают самосознание народа, помогают людям сохранить весьма хрупкое равновесие между чувством вины и пониманием того, что режиму в жесточайших условиях противостояла «другая Германия».

В России процесс преодоления прошлого, его критического осмысления имеет свои особенности. Он начался позже и был инициирован «сверху». Первая возможность оказалась упущенной, когда после мужественной речи Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г. тоталитарная сущность сталинизма была сведена к «культу личности» и даже вскрытые преступления не имели последствий для тех, кто их совершил. Архивы по-прежнему оставались закрытыми, нежелательные книги пылились на полках спецхранов библиотек, а теории тоталитаризма официально вовсе не существовало. Могло ли быть иначе в стране, сначала победившей – причем в союзе с западными демократиями – фашизм, а затем вступившей в холодную войну? Все должно было служить укреплению авторитета партии и государства, представлению об их способности к самообновлению. Серьезного обновления не произошло: хрущевская «оттепель» сменилась «рестализацией», критическое направление признания не получило, возобладал позитивизм советского образца.

Булдаков В.П. Эра советской диктатуры в России // Россия и Германия на пути к анти тоталитарному согласию. М., 2000. С.105, 108.

Тем опаснее для системы оказалась вызванная перестройкой и гласностью середины 80-х годов волна разоблачений, связанных с Октябрьской революцией и сталинизмом (часто имевших сенсационный характер). Еще разрушительнее она стала для самосознания людей, ведь под сомнение был поставлен смысл 70-летнего развития под знаком социализма и коммунизма – смысл жизни и жертв многих и многих.

Именно тогда антикоммунистическая оппозиция, требуя суда над КПСС и введения «запретов на профессии», стала апеллировать к немецкому опыту. Но дело в том, что Нюрнбергский трибунал был последним актом второй мировой войны, и там речь шла о наказании непосредственных военных преступников. Национал-социализм был запрещен не только как идеология и политика, но и как тема широкой общественной дискуссии. «Чистки» не означали введения «запретов на профессии». Напротив, очень много чиновников, юристов, военных, учителей и профессоров с нацистским прошлым вернулись на свои посты и должности – других людей тогда в стране не было. Вопрос о «непреодоленном прошлом» в 60-е годы потряс Федеративную республику, но не деморализовал ее, он стал одним из факторов широкого движения демократического общественного протеста, лишившего консервативные силы в лице ХДС монополии на власть и преградившего неофашистам путь в земельные парламенты и в бундестаг. И здесь, как показывает в своей книге А.И.Борозняк, имело место встречное движение исторической науки, ее критического крыла, и демократической общественности.

Состоявшийся в 1992 г. суд над КПСС, как указывает заместитель председателя Конституционного Суда России Т.Г.Морщакова, «не был аналогом немецких запретов КПГ и НСПГ, осуществленных Конституционным Судом ФРГ в начале пятидесятых годов»³. КС РФ подтвердил антиконституционный характер КПСС и КП РСФСР, но тем все и ограничилось. Немецкий опыт в его карательной части явно не мог работать в ином социуме. В литературно ориентированной России, по выражению С.Рассадины, где общественность традиционно прислушивается к художественной интеллигенции, а не к историкам, с новой силой зазвучали призывы «выдавливаться из себя раба» и «покаяться». Но, судя по всему, и они не имеют должного воздействия, ведь рабство многолико, а покаяние – дело сугубо индивидуальное, ничего общего не имеющее с «коллективной виной» и «коллективной ответственностью». Появилось много научных и публицистических работ о людях, главным образом представителях интеллигенции, находившихся в оппозиции большевизму и сталинизму. Но очень часто это – история преследований и страданий. Между тем комплексное изучение террора, покорности и сопротивления может стать одной из основ преодоления кризиса идентичности, с трудом переживаемого постсоветским обществом.

Как бы то ни было, сближения исторической науки с общественным протестом пока не получается. В условиях идейно-политическо-

³ Морщакова Т.Г. Значение демократических изменений в системе правосудия для преодоления тоталитарного прошлого // Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000. С. 189.

го раскола общества и кризиса идентичности открытая профессиональная дискуссия, подобная «спору историков» ФРГ 1986–1987 гг., просто не могла состояться. Когда в разгар антикоммунистической кампании, в 1988 г., появилось интервью историка и мыслителя М.Я.Гефтера «Сталин умер вчера...», в котором он призвал признать Сталина частью нашей истории и тем самым освободиться от сталинизма⁴, оно вызвало негодование правоверных коммунистов и отчуждение демократов. В середине 90-х годов в профессиональных дискуссиях по актуальным общественно-политическим вопросам проблема преодоления прошлого затрагивалась между прочим и в самом общем виде⁵.

Поиск адекватного ответа на вызов времени требовал от исследователей длительной и кропотливой работы, включающей не только осмысление новых, ставших доступными источников, но и критический пересмотр собственной позиции, теоретических основ науки. Однако хорошее знание отечественной и всемирной истории, уровня, достигнутого коллегами на Западе, ответственность и здравый смысл позволили быстро пройти путь, на который немецким историкам потребовались многие годы.

Понятно, что после крушения СССР и всей системы «реального социализма» внимание ученых вновь привлекла теория тоталитаризма. В России она была «открыта» и «обнародована» прежде всего средствами массовой информации в связи с ревизией советской истории и стала «универсальной отмычкой» для решения всех проблем. В известном смысле это была реакция на официальный «марксизм-ленинизм», и на уровне массового сознания ее постигла та же участь, что и марксизм, и ленинизм. Между тем прав В.П.Булдаков, когда пишет: «...язык так называемых общепризнанных фундаментальных научных понятий применительно к общественно-историческим процессам и явлениям постоянно уводит от анализа их сути: всякий народ склонен вносить в них «свое» содержание. Советскую систему можно описать в европейских терминах антидемократизма (отсутствие разделения властей, многопартийного представительства различных интересов и иных политических технологий, рожденных западной культурой), но нельзя забывать, что для русских они остаются эмоционально окрашенными абстракциями. Но не стоит, с другой стороны, абсолютизировать любую самобытность и пытаться описать советскую систему в зыбких терминах пресловутой российской соборности... Чисто позитивистские, формализованные и политизированные подходы – продукт определенной социокультурной среды. Они рано или поздно предстанут недостаточными, ибо, как правило, вопреки внешне универсальному понятийному аппарату связаны с эмоциональным неприятием той или иной конкретной деспотии, точнее, ее образа»⁶. Здесь следует отметить, что одной из основ исследований нацизма в Германии является принцип преемственности исторического процесса.

⁴ См.: *Рабочий класс и современный мир*. 1988, № 1; Гефтер М.Я. *Сталин умер вчера... // Из тех и этих лет. М., 1991. С.235–264.*

⁵ См.: *Возможен ли пакт общественно-политических сил России? (Круглый стол) // Полис. 1996. № 5: Каковы идеологические условия общественного согласия в России? // Полис. 1997, № 3.*

⁶ Булдаков В.П. *Эра советской диктатуры в России // Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000. С.107–108.*

Историки – и российские, и немецкие – не отрицают познавательных возможностей и научного потенциала теории тоталитаризма, но видят ее ограниченность⁷. Одним из важных выводов, к которому пришли российские исследователи, является признание двух типов тоталитарных диктатур, принципиально разных по социальной базе, идеологии, задачам и целям мобилизации общества, по типу прихода к власти и ухода с исторической сцены. Все это надо учитывать, решая проблему преодоления прошлого, и не ограничиваться лишь внешним сходством обоих режимов.

Преодолеть нацизм или сталинизм можно было бы простой смелой правящей элиты и приоритетов общественного развития, если бы в основе того и другого не лежали рожденные индустриализмом и присущие ему тоталитарные тенденции. Вот о них-то и идет речь, когда сегодня встает вопрос о преодолении прошлого. «Чтобы в истории никогда и нигде не повторились чудовищные вакханалии насилия, разбоя и издевательства над человеческой личностью, связанные с тоталитарным господством, – пишет старейшина российских историков-германистов Я.С.Драбкин, – историки обязаны продолжать раскрывать все детали механизмов как принудительного, так и добровольного воздействия на массы тоталитаристской идеологии, политики и практики. Пока мир без насилия над человеком и природой, без авторитарного принуждения остается на нашей планете лишь красивой мечтой, опасность тоталитаризма и тоталитаристских тенденций нельзя считать преодоленной»⁸. В этом смысле критическое направление исторической науки, которое вводит человеческое измерение истории, представляется более плодотворным, нежели позитивизм с его идеализацией данности.

Какова конкретная цель преодоления прошлого? Кажется, ответ лежит на поверхности: создание антитоталитарного согласия в обществе. Однако опыт современной России, да и объединенной Германии, доказывает, что приставки «анти-» недостаточно для достижения общественного консенсуса. Он нуждается в альтернативной идее. Казалось бы и здесь все понятно: альтернатива тоталитаризму – демократия. Но сегодня принципы демократии перестают быть обязательными даже в ее цитаделях. А это уже новый вызов. Ситуация в России осложняется тем, что здесь, в отличие от Германии, идея либеральной демократии была поставлена под сомнение, не успев (или не сумев) стать прочной основой идентичности общества.

При чтении книги А.И.Борозняка возникают существенные параллели и не менее важные различия ситуаций в России и Германии. От решения задачи преодоления прошлого зависит не только судьба немцев и русских, судьба российско-германских отношений. Осмысление истории возникновения, консолидации и краха классических тоталитарных диктатур должно повлиять на формирование облика будущего мира.

⁷ См.: *Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления*. М., 1996; *Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию*. М., 2000.

⁸ *Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию*. М., 2000. С.33